

ЭО, 2009 г., № 6

© Е.Э. Носенко-Штейн. Рец. на: *Anna Shternshis. Soviet and Kosher. Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 252 p.

В России изучение еврейской народной культуры началось довольно поздно. Первые попытки были предприняты представителями еврейско-русской интеллигенции, проживавшими “за чертой” (т.е. за чертой еврейской оседлости – см. *Натанс* 2007). Именно ими в Петербурге в 1891 г. была основана знаменитая Историко-этнографическая комиссия (ИЭК), целями которой были соби́рание и публикация документов и материалов по истории и культуре российского еврейства. Однако собственно этнографическими изысканиями ИЭК занималась сравнительно немного; ее усилия сосредоточивались, главным образом, на изучении правового, экономического и социального положения евреев в России. В начале XX в. ситуация меняется: после октябрьского манифеста 1905 г. возникает ряд обществ по изучению истории и культуры евреев. Новый этап исследований народной культуры и быта связан с основанием в 1908 г. знаменитого Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО) (*Лукин* 1993), а также с деятельностью выдающегося собирателя еврейского фольклора С. Ан-ского (подробнее о его деятельности см.: *Safran, Zipperstein* 2006). Эта работа была прервана из-за начавшихся Первой мировой и затем Гражданской войн.

В 1920–1930-е годы вектор изучения еврейской народной культуры в СССР резко изменился. Старые структуры были разрушены, ученые эмигрировали или были высланы; был закрыт ряд печатных изданий (в том числе журнал “Еврейская старина”), а также Еврейский этнографический музей и Еврейское историко-этнографическое общество. В середине 1920-х годов в Москве, Петербурге и ряде других городов возникли кафедры и центры по изучению еврейской истории и литературы (*Ганелин, Кельнер* 1994; *Гринбаум* 1994). Упор в них делался в основном на изучение еврейского рабочего движения, а также идиша, идишской литературы и фольклора, так как идиш – в отличие от иврита – предписывалось понимать как язык народных масс. Однако к концу 1930-х годов деятельность этих центров была прекращена, многие ученые репрессированы. За редкими исключениями (например, деятельность М. Береговского по изучению еврейского фольклора) еврейской историей, этнографией и фольклором в СССР не занимались.

После длительного перерыва еврейская народная культура в СССР стала предметом исследования за рубежом, однако ученые были вынуждены ограничиваться исключительно опубликованными источниками (напр.: *Kochan* 1972; *Gitelman* 1988).

После перестройки изучение еврейской истории и культуры в СССР, а затем в постсоветских государствах начало медленно возрождаться; особенно интенсивно этнографические исследования ведутся в Петербурге (см.: 100 еврейских местечек 1997, 2000; Еврейский музей 2004; Штетл 2008).

Тем не менее рецензируемая книга Анны Штерншис по-своему уникальна, так как исследовательница рассматривает сразу несколько важнейших аспектов еврейской народной культуры в обоих ее вариантах: на идише и русском языке, а также трансформацию, которую эта культура

Soviet and Kosher

Jewish Popular Culture in the Soviet Union,
1923–1939

Anna Shternshis

претерпела накануне Второй мировой войны. Структура книги вполне академична и отражает основные “составляющие” довоенной еврейской культуры: “Введение”; “Влияние советской антирелигиозной пропаганды на еврейскую традицию” (гл. 1); “Формирование любительской литературы на идише” (гл. 2); “Возникновение и развитие любительского идишского театра” (гл. 3); “Идишские песни ранней советской эпохи как отражение различных аспектов новой еврейской идентичности” (гл. 4); “Основные характеристики русскоязычной еврейской народной культуры” (гл. 5); “Заключение”.

Большое значение имеют хронологические рамки исследования. 1923 г. – первый год после основания СССР, также знаменующий начало формирования новой – советской еврейской культуры (см., напр.: *Rubin* 1979; *Shneer* 1994). 1939 г. – год начала Второй мировой войны и массовой гибели еврейского населения во время Холокоста, а также уничтожения традиционной еврейской культуры на территориях, отошедших к СССР по пакту Молотова – Риббентропа.

Для выполнения поставленной задачи исследовательница применила комплексный подход, который оказался весьма плодотворен. Основными источниками ей послужили многочисленные неопубликованные (архивные) и опубликованные материалы. Это также устные рассказы, собранные автором в начале 2000-х годов: тексты глубинных интервью с информантами, родившимися между 1908 и 1930 гг. на территории Российской империи/СССР, которые помнят – или думают, что помнят – некоторые особенности жизни и быта евреев в рассматриваемый период. Такой подход позволяет изучить еврейскую народную культуру под разными углами зрения, и уже потому эта книга выгодно отличается от исследований историков, опирающихся в основном на письменные источники, равно как и от социологических работ, выполненных с помощью традиционных количественных методов.

А. Штерншис подробно описывает государственные антирелигиозные кампании ранней советской эпохи и подчеркивает, что именно с этого времени между советскими и западными евреями возникли глубокие различия. Я добавила бы – различия между советскими евреями и евреями остального мира – жившими не только на Западе, но и в странах Востока. По мнению исследовательницы, советская пропаганда уверила “многих евреев, что религия не была существенной составляющей их культуры и идентичности” (р. 2). Поскольку еврейская культура и иудаизм с этих пор были полностью отделены друг от друга, то советские евреи превратились, по мнению автора, в национальную (точнее, в этническую) общность. Этому способствовали работы В.И. Ленина и И.В. Сталина, не считавших евреев нацией или народом (*Ленин* 1989: 60; *Сталин* 1990: 19–20). Такой подход преобладал в социальных дисциплинах на протяжении всей советской эпохи. В справочных изданиях даже позднесоветского времени мы находим следующие определения: “Евреи – общее этническое название народностей, исторически восходящих к древним евреям” (Советский энциклопедический словарь 1982: 427).

А. Штерншис указывает вслед за И. Крупником, что евреи были единственной группой, действительно выигравшей в результате Октябрьской революции – благодаря отмене многочисленных правовых ограничений, налагавшихся на евреев царским режимом (*Крупник* 1995); поэтому они верили, что отречение от иудаизма было своего рода “платой” за приобретение гражданских прав (р. 3). Однако такое отречение выглядит на удивление легким, и исследовательница иллюстрирует этот процесс, описывая разрушение еврейского традиционного образования, уничтожение или закрытие синагог, благотворительных обществ и пр. Она указывает, что старые и новые символы и ценности в тот период нередко сосуществовали. Многочисленные выдержки из документов и фрагменты интервью показывают, что антирелигиозные кампании 1920–1930-х годов часто проводились самими же евреями и что почва для таких “акций” была вполне подготовлена (р. 35–42). Можно согласиться с автором в том, что новая – советская еврейская культура возникла в результате “отчуждения” многих евреев от собственной традиции (р. 42). Однако, на мой взгляд, следует добавить, что оно возникло из-за глубокого кризиса еврейской традиционной культуры и идентичности в России рубежа XIX–XX вв., сопровождавшегося отчуждением от иудаизма и основанной на нем культуры.

Формированию советской еврейской культуры также способствовала разнообразная деятельность непрофессиональных писателей, актеров, журналистов и др. Эти непрофессионалы от культуры принимали живое участие в создании новой народной культуры наряду со своими коллегами-профессионалами, занимавшимися тем же, но применительно к культуре высокой. Автор отмечает, что идишские писатели и журналисты получили своего рода задание: включать в свои произведения идеологический посыл советской власти (р. 46). А. Штерншис исследует различные аспекты этой деятельности – издание доступной печатной продукции на идише, создание школ, где обучение велось на идише, борьбу с неграмотностью (скорее, с малограмотно-

стью, так как полностью неграмотных в еврейской среде было немного), подготовку школьных учителей и учебников и т.д. Все это было направлено на коренное изменение (“перековку”) прежней личности и создание новой еврейской идентичности. А. Штерншис также рассматривает интереснейший феномен: деятельность так называемых рабочих корреспондентов в идишской прессе. Этим людям поощряли писать письма в газеты и журналы и тем самым способствовать более быстрому внедрению советской идеологии в массы. Автор убедительно показывает, что идишская пресса не затрагивала реальных проблем, с которыми сталкивались евреи в повседневной жизни. Поэтому она оставалась неинтересной многим из них, и они предпочитали читать дореволюционных писателей. Однако молодежь нередко воспринимала такие публикации как описание своего нового – лучшего – будущего и потому охотно принимала участие в движении рабочих корреспондентов.

Говоря о возникновении любительского идишского театра, А. Штерншис анализирует его роль в конструировании советской еврейской культуры. Хотя на сценах этих театров нередко ставили пьесы классиков идишской литературы, исследовательница подчеркивает, что для официальной пропаганды все большее значение приобретали новые театральные формы – “устные газеты”, пародии и скетчи. Она также тщательно изучает театральные “судебные процессы” – против еврейских обычаев, каких-либо событий или конкретных людей – и подчеркивает, что подобные постановки были чрезвычайно популярны в небольших городах, даже в религиозной еврейской среде, так как они отражали разные стороны жизни и быта евреев в СССР. Характеризуя различные жанры новых идишских песен, автор показывает их амбивалентную роль в конструировании новой еврейской идентичности. Они были действенным оружием советской пропаганды, прославляя революцию, новую жизнь, Сталина и других советских руководителей, но в то же время отражали чувства и переживания обычных людей и даже заключали в себе своего рода “молчаливый протест” (р. 130). Мне думается, что в этом отношении было бы вполне уместно провести анализ советских еврейских анекдотов того времени. Так, эпизод с “кошерной свиной”, открывающий книгу, может быть понят именно в контексте советской антирелигиозной пропаганды, а не только как следствие полного невежества информантов относительно еврейской традиции. Во время экспедиционных поездок по разным городам России в начале 2000-х годов мне приходилось нередко слышать анекдоты или шуточные истории такого рода (“как приготовить кошерную свинину” или “может ли свинья быть кошерной”) от моих пожилых информантов. Однако они прекрасно понимали абсурдность этих высказываний и были вполне ироничны. Я полагаю, что устные повествования о семейных традициях, брачных предпочтениях и этнических стереотипах могли бы существенно обогатить исследование советской еврейской культуры, хотя такие детали трудны для научного анализа из-за естественной аберрации памяти информантов (что доказывает, впрочем, и эпизод с кошерной свиной).

Интереснейший аспект проблемы – русскоязычный вариант еврейской народной культуры 1920–1930-х годов (до сих пор мало исследованный специалистами) – также оказался в центре внимания исследовательницы. Русскоязычная еврейская культура возникла в городских центрах Российской империи, находившихся по преимуществу за чертой оседлости. Но именно в рассматриваемый период в результате усилившейся ассимиляции и массовой миграции еврейского населения из местечек и небольших городов, находившихся в пределах бывшей черты оседлости, в большие города этот вариант советской еврейской культуры становится все более распространенным. Автор анализирует разные аспекты ее функционирования: публикацию на русском языке классиков идишской литературы; антирелигиозную пропаганду; основные сюжеты любительских театральных постановок (включая “судебные процессы”); различные песенные жанры и пр., а также указывает, что этот вариант еврейской народной культуры, хоть и активно поддерживался властями, имел глубокие корни. Она подчеркивает, что многие евреи в начале 1920-х годов рассматривали себя “в культурном отношении как русских” (р. 181). Этот феномен был следствием не только официальной пропаганды, но и готовности части еврейского населения воспринять многие клише этой пропаганды. Я также думаю, что советские евреи *en masse* были готовы к глубокой аккультурации в светском русскоговорящем обществе. Посвященная этой проблеме глава, на мой взгляд, необычайно интересна, поскольку в дальнейшем, особенно во второй половине XX в., именно этот вариант еврейской культуры стал в СССР преобладающим. Это произошло в результате кризиса еврейской традиционной культуры, ее последующего уничтожения во время Холокоста, а также усилий советских властей по созданию “нового еврея”. На страницах рецензии невозможно даже упомянуть все проблемы, затронутые в замечательной работе А. Штерншис. С уверенностью можно утверждать, что она заполнила лагуну, существовавшую в научных исследованиях по истории и культуре советского еврейства, а также подня-

ла множество проблем, касающихся трансформации еврейской идентичности советской эпохи. Многочисленные выдержки из интервью, пьес, стихов, песен на идише и русском языке, а также выразительные иллюстрации не просто способствуют антропологическому анализу затронутых автором проблем – они проливают дополнительный свет на многие выдвинутые исследовательницей положения и делают книгу увлекательной и интересной.

Литература

- Ганелин, Кельнер 1994 – Ганелин Р.Ш., Кельнер В.Е. Проблемы историографии евреев в России. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. // Евреи в России. Историографические очерки / Под ред. М. Аграновской. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 1994. С. 183–249.
- Гринбаум 1994 – Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918–1953 // Там же. С. 7–182.
- Еврейский музей 2004 – Еврейский музей: Сб. ст. / Сост. В.А. Дымшиц, В.Е. Кельнер. СПб.: Симпозиум, 2004.
- Натанс 2007 – Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2007.
- Ленин 1989 – Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989.
- Лукин 1993 – Лукин В. К столетию образования петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России / Труды по иудаике. Сер. “История и этнография”. Вып. 1 / Под ред. Д. Эльяшевича. СПб., 1993.
- Советский энциклопедический словарь 1982 – Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1982.
- Сталин 1990 – Сталин И.В. Национальный вопрос. Л.: НКПО “Русь”, 1990.
- 100 еврейских местечек 1997, 2000 – 100 еврейских местечек Украины. Вып. 1–2. Иерусалим; Петербург, 1997; 2000.
- Штетл 2008 – Штетл. XXI век. Полевые исследования / Под ред. В.А. Дымшица, А.Л. Львова, А.В. Соколовой. СПб.: Европейский университет в Петербурге, 2008.
- Kochan 1972 – The Jews in the Soviet Russia since 1917 / Ed. L. Kochan. L.: Oxford Univ. Press, 1972.
- Krupnik 1995 – Krupnik I. Soviet Cultural and Ethnic Policies towards their Jews: A Legacy Reassessed // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. Y. Ro'i. L., 1995. P. 67–86.
- Gitelman 1988 – Gitelman Z. A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union. 1881 to the Present. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1988.
- Safran, Zipperstein 2006 – The World of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century / Eds. G. Safran, S.I. Zipperstein. Stanford University Press, 2006.
- Shneer 1994 – Shneer D. Yiddish and the Creation Of Soviet Jewish Culture. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Rubin 1979 – Rubin R. Voices of a People. The Story of Yiddish Folksongs. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1979.

ЭО, 2009 г., № 6

© А.Н. Ямсков. Рец. на: В.Н. Калуцков. *Ландшафт в культурной географии*. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Рецензируемая книга – безусловно этапная работа для отечественной культурной географии, и В.Н. Калуцков является одной из ключевых фигур в данной области науки. В частности, он в 1993 г. создал на географическом факультете МГУ междисциплинарный семинар “Культурный

Анатолий Николаевич Ямсков – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.